

Грузины не забывают о смерти

Встреча с автором — 2000, — 5 сент., — С. 4.
Ольга ДУК

Отар — Дмитрий ДЖАНИАНИ
Зейнаб — Лили ХУРИТЫ

Сухумский драматический театр, чьи короткие гастроли завершаются сегодня в Москве, хлебнул сполна всех прелесть переходного периода. Театр носит имя Гамсахурдия — но не Звиада, а Константина, его отца, известного грузинского писателя (часть почтения к которому «по наследству» досталась Звиаду при его восхождении на грузинский политический Олимп, но потом в Грузии все чаще стали вспоминать расхожую фразу своего кровавого соотечественника «сын за отца не отвечает» по отношению к своему лидеру). Во время трагических событий в Абхазии театр потерял десять человек убитыми (четыре актера, художник и другие). Многие члены этой грузинской труппы воевали в Сухуми, а потом вместе с тремястами тысячами соотечественников бежали из Абхазии в Грузию. И спустя семь лет не могут забыть горные обледенелые дороги, трупы на обочинах, мать, спокойно попросившую одного из них подержать своего ребенка, а тот был уже мертв, и многое другое. В Тбилиси немаленькую (52 актера) сухумскую труппу приютил театр им. Шота Руставели. Роберт Стураа распорядился отдать им Малую сцену и поставил с ними булгаковский «Бег». «Выбор спектаклей для московских гастролей отражает нашу судьбу», — сказал Дмитрий Джаниани, играющий художественный руководитель театра. В Москву привезли «Измену» Александра Сумбашвили, «Эмигрантов» по Набокову и шекспировского «Кориолана».

«Измена» — трузинская классика, которую ставили и за пределами Грузии. Православная страна под игом

иранского (мусульманского) господства. Тщетные попытки приспособиться к невозможной новой жизни и опустошенные души, в которых — вместе с убийствами близких — каленым железом выжигали любовь. Измены, что оборачивались военными хитростями, и невольные предательства людей, «не ведающих, что творят». Наглядная иллюстрация к тому, как выглядит и что чувствует сегодня Кавказ. Наивная (не путать с примитивной) режиссура Гоци Капанадзе — ясная, как картины Пиросмани. Благословен минут роковых. Как-то вскользя подумалось, что в грузинском театре даже в самые глухие советские времена очень сложно представить себе какую-нибудь бытовую или производственную пьесу. А,

соответственно, в наши времена — какую-нибудь «белуху-веселуху», обратную сторону чернухи. Темпераментом разорвет.

Роберт Стураа как-то сказал, что грузины никогда не забывают о смерти, и грузинские актеры всегда играют с ощущением, что умрут. Чем отличаются от актеров любой другой страны и школы. Это не выразительность, скажем, школы Малого театра, где чуть ли не каждое слово подчеркивается интонацией, жестом, поворотом головы, мимикой и идеальной до стерильности артикуляцией. Это выразительность туго сжатой пружины, загнанного вглубь вулканического взрыва, чей глухой рокот ощущает весь зал. А «извержения» этого вулкана — не крик, не эффектное фортиссимо, а почти тишина. Слезы на глазах иранского ставленника Отара (Дмитрий Джаниани), которому простили все предательства и позволили вернуться к своей вере и своей сути, к себе истинному. Или непобедимая лукавая мудрость (что враз усмирила власть имущего) крестьянина Аниани (узнаваемый по многим фильмам Виктор Нинидзе), в ком словно бы сошлись вместе мудрецы всех народов. Или горькое, как полынь, безмолвное счастье матери (Лили Хуриты), которая через двадцать лет нашла сына, чтобы тут же потерять его, чудом избежавшего проклятия изменника, но не избежавшего смерти.

Жаль только, что смотреть на гостей из Грузии ходят в основном представители диаспоры. Театральных деятелей Москвы в зале фактически не наблюдалось.

Р.С. Сегодня еще можно будет увидеть сухумскую версию «Кориолана» на сцене «Содружества актеров Таганки».